

Биография номера

Интервью с прекарием: «Я такой человек — мне проще без всяких бумажек, без всего»¹

DOI: 10.19181/inter.2018.15.7

Ирина Тартаковская*

Интервью с Дмитрием, 30-летним прекарием, в данный момент ухаживающим за больной матерью и перебивающимся случайными заработками, интересно тем, что оно представляет собой характерный пример добровольного «соскальзывания» в прекарную занятость, выражающегося в последовательном отказе от любого типа конвенциональной карьеры и постоянной работы. Дискурсивно Дмитрий оправдывает отсутствие постоянной работы необходимостью ухаживать за матерью (после инсульта), хотя мать заболела всего два года назад, при этом предыдущие восемь лет жизни, после возвращения со срочной службы в армии, Дмитрий точно так же избегал любой «закрепощающей» его формы занятости. Несмотря на то, что семья Дмитрия, как видно из интервью, обладала определенным социальным капиталом — мать работала юрисконсультантом, старшая сестра также получила юридическое образование и сделала определенную карьеру («раскрутилась», по его выражению), — Дмитрий не закончил даже первого курса института.

После возвращения из армии он недолго работает охранником, потом часто меняет различные места работы, не требующие никакой квалификации и не оставляющие никакой возможности профессионального роста (курьером, продавцом, сторожем автостоянки и т. п.) При этом он целенаправленно выбирает именно неформальную занятость: «...уже хотелось работать не то чтобы попроще, а спокойней, где тебя никто не трогает, не надо писать бумажки, что-то бегать ... не то что я ленивый, не хочу ничего делать — я люблю и руками работать, и вообще, — но как бы хотелось просто, чтобы тихонько, никто тебя не трогает, не нервничать». При этом он обладает определенной эрудицией, учит иностранные языки, владеет компьютерной грамотностью, воздерживается от употребления алкоголя. Неоднократно в ходе интервью Дмитрий высказывает свое отрицательное отношение к любому рода регуляциям, документам, любым формальным социальным институтам: «Фактически официально мало работал, да не думаю, что это страшно... То есть для меня всегда была проблема, даже при увольнении с официальной работы: надо бежать с этим бегунком в отдел АХО, в бухгалтерию, ставить печать. Зачем мне все это? Меня всегда это напрягало как-то очень сильно».

Его не привлекает никакой вариант «нормальной» карьеры: «Был бы с институтским образованием, я бы все равно сидел с мамой, так же приходилось бы крутиться, это не дает ровным счетом ничего». Можно сказать, что Дмитрий является «идейным»

¹ Материал подготовлен в рамках проекта «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории» (грант РНФ 14-28-00217).

* Тартаковская Ирина, кандидат социологических наук, доцент Государственного академического университета гуманитарных наук; старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. lucia.richardson@gmail.com

прекарием, выработавшим у себя особую субъектность, отвергающим все вызовы, связанные с борьбой за социальный статус, и позиционирующим себя при этом как способного и независимого человека — «троечника, у которого списывали все отличники».

Однако самооценка Дмитрием своего жизненного пути весьма далека от комфортной. На протяжении всего интервью он жалеет об упущенном им времени, которое, правда, он хотел бы потратить не на карьеру, накопление средств или образование, а на путешествия и развлечения. Две его туристические поездки в Египет (до болезни матери) оказались для него лучшими событиями в жизни, своего рода биографическим пиком, и теперь служат постоянным источником воспоминаний.

Дмитрий как будто отказывается понять связь между выбранной им прекарной трудовой стратегией и ограниченностью своих жизненных возможностей, с досадой восклицая: «Почему я более низкие люди?» Забота о больной матери обеспечивает его моральными аргументами для оправдания своей фрагментарной занятости, однако он просто отказывается рассматривать другие альтернативы (например, заработать на сиделку или привлечь к уходу старшую сестру).

Противоречивость его мировоззрения, на мой взгляд, связана со спецификой его социализации. Юность Дмитрия пришлась на 1990-е годы, когда происходил слом многих социальных институтов, обеспечивающих старшему поколению стабильные биографии и определенные карьерные возможности. В результате у него не сложилось никаких представлений о «правильном», ведущем к успеху жизненном пути, который позволил бы ему самореализоваться и достигнуть желаемого уровня благосостояния. Дмитрий избегает формальной занятости, потому что не видит в ней никаких преимуществ: она представляется ему просто бюрократической ловушкой, которая заставит его вписаться в некие неприятные ему рамки и ничего не даст взамен. Однако никакой явной альтернативной модели жизни у него не сформировалось, его трудовые перемещения спонтанны и ситуативны.

В этом смысле, интервью с Дмитрием очень характерно для молодого поколения прекарных работников, не имеющих внятного биографического проекта и находящихся в состоянии постоянной растерянности. Этим оно и интересно для читателя.

Интервьюер. Наше интервью будет посвящено вашему жизненному пути. Начнем с того, что я попрошу вас рассказать свою биографию. Желательно, чтобы вы рассказали её в хронологическом порядке, то есть от вашего рождения и до сегодняшнего момента. Вы, в принципе, можете рассказать о себе всё, что хотите, но для нас важны основные этапы вашей жизни: детство, родительская семья, условия жизни в те времена, как они менялись, что изменилось в вас с детства, на этапе взросления и до вашего сегодняшнего состояния, какие-то основные моменты, которые у вас случились в жизни, запомнились и как-то определили вашу жизнь. После того, как вы расскажете, я немножечко позадаю вам вопросы, чтобы уточнить какие-то моменты для себя. Хорошо?

Респондент. Хорошо. Меня зовут Дмитрий. Родился, значит, я здесь, в Н. В принципе, всю жизнь здесь и живу, на одном и том же месте. Что касается детства, после рождения у меня только мама была, то есть, как бы, отца я не видел с двух лет, — это, как сказать, их история. В принципе, оно мне и не важно, сейчас уже — тем более. Сейчас мне, тем более, 30 лет, сейчас уже не важно. Тем не менее, детство у меня было гораздо счастливее, как я смотрю, чем у многих детей даже из полных семей. Мама старалась, надо отдать ей должное. В детстве было и интересней, нежели сейчас, сейчас как-то жизнь и сложнее, и менее интересна, более удручает, более скучная, менее веселая, то есть как-то детство было радостнее что ли. Ну, я не знаю, может, так у всех, с возрастом, к среднему возрасту, может, у всех так. В данный момент, значит, школа — полное образование, полностью школу закончил.

Потом сразу ушел в армию, как-то не сложилось с институтом, поступал, но... Да, ну как, ну и не моя это профессия. Просто мама была юристом, работала. В общем, я попробовал, не пошел, сразу ушел в армию. Отслужил два года в Волгограде в знаменитом полку, который, как сказать, захватил Паулюса в 1943 году на Сталинградской битве. Так скажем, в соседней роте я служил, в 8-й. 9-я рота поймала, я служил в 8-й. Ну, благополучно вроде закончил службу, вернулся. Ну, и как-то дальше годы понеслись, понеслись.

Первые какие-то достижения, первая работа, ну, как у всех после армии. Немножко поработал в охране, оделся, обулся, заработал какие-то барыши, сделал права водительские, первая машина, какие-то развлечения с друзьями. Опять же, ездил на своей машине, уже поехал в Волгоград — друзья остались, мы до сих пор общаемся. Как-то всё это, в основном пошла рутина. Вроде бы друзья, развлечения, но работа, вот эти 10, там, лет скоротались очень быстро. Сейчас оглядываюсь назад — что-то после школы, правильно говорят, жизнь летит быстрее, очень быстро (улыбается). Ну, и потом как-то более, значит, интересы стали меняться, потребности более высокие, как бы, — видимо, расту, развиваюсь, как говорится, взролею (смеется).

Пару раз был за границей в любимом Египте, он мне понравился очень. Жалко, что в данный момент закрыли, но, в принципе, мне сейчас, как бы, и не до него: я выехать не могу, потому что последние несколько лет болеет мама, после инсульта она лежит. Я уже не буду жаловаться, но старшая сестра, очень любимая мамой, отказалась за ней ухаживать, вообще никак не хочет помогать. В общем, я тяну всё это один. Поэтому сейчас где-то подрабатываю автоэлектриком, где-то подрабатываю на компьютере: калым, там, подбрасывают, ну, с документами, друзья, там, еще кто-то. Ну, нахожу, кручусь. В общем, приходится крутиться, и время последние годы в связи с болезнью мамы летит еще быстрее. То есть эта вся бытовуха на мне, это зарабатывание денег на мне. Плюс в нашей бюрократической стране это бумажки, оформление и т. п., и т. п., куда ни плюнь: то есть элементарно поменять её же пенсионную карту, там у нее пенсия идет, это бежишь за доверенностью, бежишь туда, бежишь сюда (смеется), — в общем, это всё проблематично. И быт, ну, пытаюсь как-то развлекаться...

Последние годы, вот, два года катаюсь с соседом на велосипеде, просто, как бы, подстроился под жизненную ситуацию. Если не могу куда-то уехать отдохнуть, ну, хотя бы летом развлекаюсь на велосипеде, зимой, там, иногда в зимние месяцы раз в недельку в бассейн хожу. Так, не особо много, потому что накладно будет. Да и незачем тоже, надоест. То есть, вот, в принципе, всё. Ну, где-то, там, в компьютере посидел, кино посмотрел (смеется) — это вообще очень редко получается: в основном работаю в компьютере. И вот, эти последние годы прямо, вот, время ускорилось даже не в 2–3, а в десятки раз, мне кажется. То есть оглядываешься назад — пролетело время очень сильно. Ну, вот, в принципе, всё. Что еще рассказать?

Если сравнивать мое детство, юношество, оно было как-то более насыщенной. Может, было что-то, происходили события, не такие яркие — для ребенка на тот момент, для подростка они казались грандиозные. Сейчас могут происходить события более яркие, какие-то масштабные, глобальные и, ну, в моей именно жизни, да, не в общем, в государстве, а именно в моей. За последние годы до того, как... Я еще мог, вот — с мамой пока не сел, — это бывал 2 раза в Египте: для меня это была огромная радость, почему-то я, так, покумекал, выбрал его. И сейчас, честно говоря, в общем, никуда и не охота — ему замены нет. Для меня, наверное, это самые яркие события, два раза в Египте по 2 недели, по 10 дней — наверное, самое веселое, радостное и яркое, что для меня было последние годы.

И те же 90-е годы, мое юношество, детство мое прошло в 90-х, оно как-то и запомнилось. Вот 90-е годы я помню, 2000-е не помню вообще, то есть нечего вспомнить, взять какую-то музыку — нету музыки, вся музыка в 90-х была (смеется). То есть всё было

ярче. А уже ближе к 30, вот, как-то стало всё, пролетает быстрее, и ничем не удивишь, то есть, вот, так я скажу. То есть, если раньше это казалось «вау» что-то, то сейчас это не удивительно. В общем, не знаю, может, уже кризис среднего возраста (улыбается), так вроде рано... Часто я слышал в детстве, даже где-то в кино слышал, что, вот, люди говорят: до 40 вроде жил, а дальше не знаю, что будет... Я могу сказать это к 30, то есть до 25 как-то жил, а сейчас, к тридцатке, стало пустовато и менее что-то удивляет. Плюс навалилась взрослая жизнь совсем: естественно, сейчас проблемы с мамой, вот эта вся бытовуха. Иногда сидишь дома, есть какая-то свободная минута, выйти бы развлечься, куда-то сходить — ну, просто уже не хочешь, потому что знаешь: ты придешь, а у тебя дома то, се, надо покормить маму, надо делать какие-то бытовые дела. Ты думаешь: лучше я посижу и спокойно сделаю, чем буду развлекаться. Устану, приду, а тут еще вот. Уже просто, ну, стараюсь руки не опускать, но, вот, как-то так.

И. Хорошо, Дмитрий. Вспомните, пожалуйста, свое детство. Вы сказали, что вы жили с мамой?

Р. Да, с сестрой, с мамой, потом сестра ушла.

И. Сестра на сколько вас старше лет?

Р. Ну, 5,5–6 лет.

И. Вы ходили в детский сад?

Р. Да, конечно, в детский сад ходил. Я, вот, помню, что у меня в 6 лет был торт с 6-ю желтыми утятами. Большой торт мы принесли на всю группу в детский сад. Мама даже устроилась в первые годы в садик там: ну, она по специальности, юристом, да, по моему, юристом так и была, пока в ясли ходил. Потом постарше стал, она ушла на другую работу, куда-то в другую организацию просто. Я помню, что на 6 лет в детском саду вот такой торт у меня был. Опять же, что было в 26 лет, я не помню, а что было в 6 лет... То есть более яркие моменты, да, и дети впитывают всё, как губка. Поэтому детство, и, вот, всё самое лучшее.

И. После детского сада вы поступили в школу. Да?

Р. Да. Полностью закончил детский сад, я в него ходил с яслей, и потом в 7 лет — в школу меня.

И. Пошли в школу. Вы в какую школу ходили? Это школа была ...

Р. Обычная.

И. Ближайшая к дому?

Р. Да, обычная.

И. Специально она выбиралась мамой?

Р. Да, близлежащая, поэтому. Она довольно нормальная школа, в принципе, на тот момент все школы одинаковые были, мне кажется. Сейчас колледжи, средние, с уклоном. Обычная школа средняя, довольно нормальная, да.

И. Ясно. Вы можете оценить уровень материального благосостояния в родительской семье в то время? Вот, в то время, когда вы были ребенком?

Р. Ну, не сказать, что мы богатые были, в начале 90-х всем туго пришлось, конечно. Были времена, когда да, там, что на последнюю трешку, ельцинскую или ленинскую, я уже не помню, шли, покупали банку шпротов последнюю, на то время консервы еще нормальные были. Но это, как бы, недолго. В основном, тьфу-тьфу, надо отдать должное, даже летом меня мама устраивала в лагерь на месяц довольно хороший. То есть после школы я всегда на месяц ехал в лагерь, буквально, там, какой-то год мы пропустили, по-моему, 93-й — самый сложный. Либо мы летели, даже было так: в июле я в лагере, сестра, там, уже не помню, и она тоже ездила, потом она старше стала, в июне — в лагере, в июле — у мамы отпуск, мы летим в Архангельск. В принципе, детство было-то счастливое. Сейчас разговариваешь с людьми, вот подруга ничего в детстве не видела, ни лагерь, ничего. Там, конечно, от родителей зависит.

И. Мама у вас по образованию, по профессии юрист?

Р. Юрисконсульт.

И. Помимо школьного образования были ли у вас какие-то дополнительные занятия, курсы, кружки какие-то, секции, чем вы занимались?

Р. Да, как бы, с детства научили меня играть в шахматы, но потом какой-то случился у меня провал. И когда привели меня в кружок в первом классе или во втором, при школе он был — бесплатный кружок. Мама мне говорит: ты что, ты же играл, вот, как сейчас помню. А я хоть убей не помню. Быстренько начал опять играть в шахматы, я и сейчас быстро всё схватываю, хотя уже старый довольно-таки, а тогда быстро всё понимал. Какое-то время ходил в шахматы, в нулевой класс я ходил, вроде типа как подготовительный, но недолго, буквально месяц, при школе, английский. Читал и писал я уже до школы, там в первом классе не было дневника, а, там у нас просто делали по чтению такую вкладку, мне ставили одни пятерки. Я уже читал, мама научила меня еще где-то в подготовительной группе, то есть перед школой в 7 лет я садик заканчивал — я уже читал, писал через черточку, по слогам.

Да, и уже английский пробовал, вообще, мне нравился немецкий, потому что мама учила немецкий, ну, довольно красивый язык, своеобразный, так скажем. Но пришел выбор, как бы, нам сказали делать выбор, что будете изучать, ну, я выбрал английский, потому что международный, по совету большинства. В принципе, он мне тоже нравится, я его довольно прилично сейчас знаю. И в более старших классах я ходил в радиокружок какое-то время, тоже бесплатно, тогда еще были такие, это уже не при школе было — тоже, там, в близлежащих домах, собирал там радио свое, маленькое. На тот момент тоже было интересно. И уже в более старших, 7–8 класс, 9-й, 10–11-й, мы ходили в военно-спортивный клуб, что-то типа, ну, как бы, тоже появилась одна организация, они, в общем, ну, просто пришли, пригласили. И преподавали боевое искусство. Дети собирались, развлекались, не наркоманить, не курить. Хотя я и так бы не стал наркоманить, но, тем не менее, ошибка детства была, да: курить начал в то время, но вот уже 4 года не курю, благополучно бросил. Удивляюсь, почему раньше не бросил, оказывается, так легко, вот. А так, наркотиками и выпивками никогда было не соблазнить, кстати, я не пью. Ну, в детстве пару раз пробовали, но это не питье. То есть 10 лет я не пью вообще. Тоже никаких проблем, не вижу ничего в этом плохого. Хотя иногда бесит, народ начинает доставать: а что, ты не пьешь, а что, совсем не пьешь, ну как, ну совсем? Вот это вымораживает, честно говоря, по-русски. Я, ну, просто понял, ну, не интересно мне. Если настроения нет, его и так не будет...

Плюс где-то в средних классах каратэ у нас было, в школе тхэквондо мы пробовали с товарищем, ходили там по двору, было пару товарищей. Один, кстати, умер, ушел, так скажем, по нехорошей тропке пошел в жизни, чуть младше меня, но, вот, тем не менее, уже умер. Вот так вот жизнь сложилась, что... Хотя на тот момент он был больше спортсмен, чем все остальные, но вот так вот.

И. Понятно, вспомните, пожалуйста, период, когда вы заканчивали школу и вам нужно было куда-то дальше, как-то дальше строить свою жизнь. Вот на тот момент у вас были планы относительно своей жизни? Что-то мама вам советовала или другие люди? Куда вы пробовали поступить? Вы оговорились, что какая-то попытка была, почему вы попробовали именно туда, почему не в другие какие-то заведения?

Р. Ну, как сказать? Дело в том, что обычно, да, смотрят на родителей, или кто... Я, хоть, не знаю, довольно умный, но я не был уверен, куда мне идти. В детстве, да, как обычно у всех детей: посмотреть один фильм — хочу стать пожарным, хочу стать летчиком.

И. Вы кем хотели стать в детстве?

Р. Ну, тоже, там, детство это всё понятно, мимолетно: а, классно — тоже таким буду, и пожарным, и летчиком. У меня дед по отцу, я, к сожалению, его тоже не видел, он рано умер, дед по отцу: он всю войну прошел летчиком на Ил-2, знаменитом самолете. Потом он работал в гражданской авиации долго, руководителем полетов уже на земле, так скажем, ну, уже в возрасте. И как, может, это передалось от него: очень люблю самолеты. Вот, последние годы — так, для успокоения души (смеется) — купил пару моделей, настоящих, хороших, уже готовых, ну, известных фирм, такие статические модели: просто стоят и радуют глаз, чисто визуально, чтобы мне веселее дома было. Мне передалась любовь к авиации, вот, как-то так. Но, как-то на тот момент и в стране было, то есть, да, уже, кто постарше был, они уже заканчивали, там, то есть, буквально, там, заканчивали, там, получали специальность, не могли, там, у них не было в стране керосина, чтобы сдать экзамен, люди, там, кто спивался, кто входил в бизнес, пилотов мы тогда очень много потеряли, это всем известно. Ну, и как-то на тот момент, под конец 90-х, не получилось. Я, вот, на тот момент, с 9 класса я понял, что пойду в 11-й. По окончании 11-го я так ничего и не надумал.

И. У вас не было мыслей стать пилотом или летчиком?

Р. Да, на тот момент у меня это... Может, я внутренне понимал, что не потяну, может быть. Хотя, в принципе, сейчас...

И. Почему не потянете, что не потянете?

Р. Может, слишком сложно для меня, хотя сейчас думаю... Я такой человек, иногда кажется — не сумею. А сядешь, буквально, я иногда говорю: дайте мне сейчас самолет, я через час на нем полечу, и не нужен мне институт, там, да. В принципе, я такой человек, я сам себе не доверяю: ой, кажется сложно, я не справлюсь. А на самом деле, сунешься, когда жизнь заставляет, и смотришь — а, блин, оказывается, всё так легко, да. То же самое, когда мама слегла, мне казалось: это то же самое, с готовкой, я тоже думал — ой, суп. Я никогда не смогу варить суп. А оказалось, такая ерунда, полчаса варится мясо, накидал там всё в кучу, еще полчаса, и готов. То есть, а кажется изначально, что, ой, я никогда не смогу. На самом деле я сейчас много чего готовлю. То же самое было и с этим. На тот момент как-то вылетело это из головы, не думал. Тут еще мама вот с этим — юрист, юрист, на юрфак иди, юриспруденция правильно говорить факультет, я выбрал...

И. То есть мама хотела, чтобы вы поступали на юридический факультет?

Р. Да. Не то, что она хотела, она предложила то, что она знает, вот, а там уже... И у меня не было такого, как, вот, некоторые, все, хочу вот стать пилотом или кем-то другим, и ничем не заманишь. А я на тот момент думал: кем быть? Не знаю. Много хочется и, в то же время, многое не знаешь, куда толком деться. Старшая сестра уже на тот момент училась в институте, там, тоже она пошла на юриспруденцию.

И. Она вам советовала что-то?

Р. Нет, мы с ней даже не разговаривали. Только вот в детстве посоветовала — говорит, выбирай английский, когда встал вопрос, какой язык учить в школе. В принципе, я бы и сам выбрал, как-то международный был. А вот уже тут, под конец школы, мы с ней как-то, в основном мама говорила — иди, вот, тоже, давай попробуй на юриста. Честно говоря, я потом уже понял: хорошо, что не стал, ну, не мое вот это. Как сказать — для меня это дурдом, не знаю, поймете или нет: я читаю эти бумажки все наши, эти вот, бежит человек, тот же юрист, вот, бумажка с печатью — это документ. А читаешь — да кому он на фиг нужен. Для меня, вот, бумажка — это ровным счетом ничего, ни одна бумажка. Грамотно ли это, я не знаю, паспорт даже — ну что вот это? По сути, да, вот, как все говорят: надо обязательно зарегистрировать брак, жениться официально. Древние египтяне делали как? Переносили вещи

друг к другу. Нравятся — переносят: всё, мы женаты, там, живут, дарят друг другу подарки, — вот, наверное, с них надо брать пример. Меньше как-то вот это, вот, в моем мозгу — ну, психушка какая-то. Печать в паспорте — типа тебя государство зарегистрировало, что ты женат. Кому, кто? Государство — это народ, по сути, да? По сути, государству по фигу. Если ты живешь с женой, там, с девушкой, или девушка с мужчиной, по сути, ты и так женат. Печать — ну, есть она, нет, можно вообще паспорт выкинуть. Ну, равным счетом это ничто для меня. Поэтому вот эта профессия для меня была, во-первых, эти законы написаны абракадаброй. Да, в фильмах можно услышать дело об отобрании ребенка у родителей. Блин, да какая-то психушка просто, вообще, какие-то слова дебилные, всё это: бумаги, бумаги, писанина, писанина. И потом, поначалу я это не осознавал, так, чисто сунул. Вообще, в том же институте...

И. А вы куда, кстати, поступали?

Р. Это был — Современный гуманитарный институт он, там, назывался, сейчас вроде в академию переименовали, вообще, не знаю. На тот момент они как раз получили госаккредитацию — опять же, у меня это мама узнавала всё, для меня всё это пустышка. Я пришел, была способность к языкам, тогда она у меня прослеживалась, я и сейчас знаю 8 языков, как Алиса Селезнева — ну не вот, там, а действительно знаю. Иногда люблю, там, на украинском что-то сказать, на английском, на немецком, на испанском, на японском, ну, какие-то пару слов среди друзей — раз и скажу. В тот момент, да, мне нравился английский язык, прослеживалась способность к языкам, то есть все отличники списывали по английскому у меня с утра. А опять же, мне было лень изучать детский текст в школе, там, The London is the Capital of Britain, поэтому для меня это был всё детский текст. И я, честно говоря, забивал, по-русски говоря. Хотя была англичанка у нас хорошая, часто встречаю, она со стажировкой в Англии, она преподаватель хорошая была. Все изучали первые 10 букв, я уже знал весь алфавит, при том, свой русский — плохо, а английский знал хорошо (улыбается). Вот. В итоге как-то, опять же, в школе я учился похуже, там, на тройки, потому что, ну, мне по фигу были, там, все эти, ну, бумажка будет у тебя, вот сейчас был бы я отличником, и что? Всё равно сидел с мамой. Был бы с институтским образованием (усмехается) — я бы всё равно сидел с мамой, так же приходилось бы крутиться, это не дает равным счетом ничего. Поэтому отличники списывали у меня, получали пятерки, а я получал тройки, в принципе, по всем предметам. Отклонился я от темы. Прослеживалась способность к языкам, и я пришел в институт. Мы подошли с матерью к ректору, к декану, как, я не знаю, к кому, тоже какие-то слова непонятные. В общем, был факультет лингвистики, я вроде хотел на него, прямо, усиленно, и мне это действительно на тот момент нравилось, но у нас, я говорю, нужна побочная профессия: юрист-лингвист, экономист-лингвист — то есть, ну, нет смысла. И вот так, сразу, в этом же институте пошли на юриспруденцию. Но я ходил на курсы, заканчивая 11-й класс, я ходил в институт на курсы, потом как-то поступил, и как-то не пошло, в общем, не закончил триместра, тут уже...

И. То есть вы поступили в институт?

Р. Да, я поступил.

И. Вы начали учиться?

Р. Первый семестр прошел.

И. Вы учились бесплатно?

Р. Нет, тогда было 5000, мы заплатили 5000 за первый семестр, ну, что-то такое, не сказать, что много, но сейчас гораздо дороже. Может, не 5, может, я путаю — в общем, на тот момент было, по-моему, да, что-то такое. На тот момент, как бы, немножко жизнь позволяла учиться. И сначала предполагалось, что я пойду работать, я и сам

хотел, я уже там пытался в 11 классе, в 10-м. Сложно ребенку тогда было подработать несовершеннолетнему. Но я же пытался, там, где-то машину разгрузить, что-то еще, домой принести. И предполагалось, что я пойду работать. Но...

И. Предполагалось кем? Вами или как-то с маминой стороны?

Р. И мной, и мама говорила. Но, как выяснилось, там была такая система, дистанционная, что ли, называется система обучения — в общем, расписания четкого нет. То есть я сегодня вечером учусь, завтра, там, днем какие-то две пары, на следующей неделе — совсем всё по-другому, дни меняются, вечер или утро — ну, работать, ну, как? Даже если грузчиком просто где-то подбежать разгрузить, опять же, ну, никак не попадаю. Мама говорила сначала вроде: потяну, — потом даже поругались по этому поводу, я сначала, — потяну, пока, там, ну, будем что-нибудь придумывать, буду платить. Но в итоге, в общем, по окончании первого семестра как-то так произошло, что, в общем, я понял... Кстати, сестра тоже с первого раза не поступала, в медицинский пошла, но быстро поняла, что все-таки не её, ушла, ну, что-то её там напугало, ушла на юриспруденцию. А я как-то, вот, этот, первый, — мне-то еще армия светила, и поэтому тут получается как раз 17,5 лет, тот, вот этот промежуток пролетает, — и весной я ухожу в армию, в общем. Первый семестр я толком не закончил, можно сказать.

И. А почему вы не закончили, что вам помешало это сделать?

Р. Да как-то понял, видимо, что не мое, и, честно говоря, плохо понимал я как-то, не знаю, может, на тот момент привык к школе, что ли — сложно мне было перестроиться ко всему этому. Не знаю, что повлияло, но, не сказать, что я такой плохо адаптивный человек. И, в принципе, коммуникабельный, то, се.

И. Вам с программой было тяжело справляться?

Р. В чем-то с программой, в чем-то сама эта вся ерунда, по-новому, не как в школе, не знаю, — но и понял, что не мое, уже тогда я понимал это. А уже с возрастом, после армии, я понимаю, что очень здорово, что не пошел. Сейчас был бы еще один юрист. В то время, тем более, расплодили их, — то есть, заканчивая школу, у нас учителя спрашивали: кем будете? Многие отвечали: экономистом, — тоже это учителей бесило: вы что, экономить собрались? В стране — развал на тот момент. А сейчас, вот, да, и Путин у нас, я слышал, кто-то, вот, и правительство — вообще волком воют: типа в то время юристы, экономисты, менеджеры развелись, а сейчас нет рабочих рук, то есть, по-моему, даже сам Путин упоминал недавно. И больше мне, видимо, как бы, я человек гуманитарный, но техник. Так, вот, получается: во мне многое смешалось. Ну, не сказать, что суперталанты какие-то, но многое, то есть я разносторонний, я не могу учиться где-то, в таком, математическом вузе, больше гуманитарные науки. И в то же время техник — в плане того, что физически могу сам залезть починить практически все, что возможно — в бытовых условиях, по крайней мере. И в тоже время с математикой, физикой: физика мне нравится, но в школе я плохо понимал математические все вот эти нюансы. Хотя сейчас, многие физические явления — в быту сталкиваешься, даже как-то задумываешься, интересно. Вот, как-то так. Поэтому в институт не пошел из-за того, что, ну, я бы сейчас, наверное, с ума сошел: бумажки, законы. Юрист — нет, не мое.

И. И дальше вы уходите после первого семестра?

Р. Да, получается, пролетает, там, время, буквально, день рождения — и весна, пошел весенний призыв (смеется) сразу, это у нас быстро делается. Ну, теперь что об этом говорить?

И. И вас забрали в армию?

Р. Да.

И. Понятно. Вот тогда, когда вы решили закончить с юриспруденцией, у вас были какие-то планы, мысли, соображения относительно вашего будущего, чем вы будете заниматься? Чем бы вы хотели заниматься? Помните?

Р. Вот, как ни странно, не было. Меня угнетало то, что надо идти в армию. Откупаться я не стал — да и денег тогда на откуп было много — ну, как у нас многие любят откупаться. Но на тот момент были еще у меня розовые очки: 17–18 летний парень — что армия, да, там. Мне, единственное, изначально было жалко, что 2 года придется время, там... Да, может, это хорошо, это надо — не откупаться, то есть, да, закон не нарушать, да и как-то самому не стремно. Да и не было возможности, может быть. Единственное, не то, что боялся или не хотел идти в армию — даже хотел, — но, единственное, жалко было 2 года времени.

И. А почему вы хотели идти в армию?

Р. Да ну, говорю: молодой был, розовые очки еще немножко были. А когда в армию попал, я понял, что, оказывается, там — дурдом. А когда вернулся с армии, понял, что, оказывается, вся наша жизнь — это армия: круглое носят, квадратное катают, все законы для понта. В принципе, так и есть. Просто я осознал это в армии, видимо. Армия раскрывает глаза на жизнь, на все нюансы, детство кончается, — но я посчитал, что только в армии такой дурдом. А потом я пришел и понял, что вся наша жизнь — в чем-то армия, так устроена. Проблемы, зло какое-то вот, все вот эти дурацкие порядки, законы, в принципе, да.

И. То есть вы два года были в армии?

Р. Да. И на тот момент, вы спросили, уходя в армию — видимо, башка была загружена, вот, то, что в армию уходить как-то всё равно расстройство: уходишь куда-то на два года, и поэтому я не думал тогда об этом. И придя из армии, опять же, ну, не было никаких мыслей, куда идти. Может, тогда внутренне я понимал, что ничего мне это не даст. Ну, закончил бы я после армии еще 5 лет какой-нибудь институт, заплатил бы за него деньги по-любому, скорее всего, — они платные все были. Ну и, вот, что бы я сейчас делал с этим институтом? Просто мучения, лишние выкинутые деньги. Так же бы копал носом землю, как и большинство сейчас. Я не один такой, я не жалуясь, народ сейчас — в большинстве, жизнь тяжелая у всех.

И. Вы с армии пришли, вы устроились на работу? Чем стали заниматься?

Р. Да, первый месяц что-то там подкалывал, там, буквально, по мелочи. Потом устроился на хорошую работу: буквально, через месяца три уже я работал. Я устроился в охрану, в частное охранное предприятие. В принципе, наверное, как все ребята после армии — кто-то, может, всю жизнь связывает с охраной. Нет, я вот устроился на первое время, там тоже мозги съедаются, то есть все тупеют быстро от безделья. Просто на первое время устроился в охрану, попал в бутик, в хороший магазин. То есть не где-то на стройке бухать, как в то время было, а в бутик я ходил, — ну, довольно всё красиво и четко. Почти год проработал я там, сразу начал копить, одежду сам себе купил после армии, телефон первый. Права сделал, отучился на права. Так, где-то развлекались, то, се. И уже через год первую машинешку купил, после прав, сразу. То есть права получил, чуть попозже машину купил. То есть я пытался из такой работы выжать максимум, какой-то старт всё равно был. Потом что-то у меня случилось, там, какое-то время не работал, не помню, что.

И. А почему не работали?

Р. А что-то я ушел отсюда на другую работу вроде как.

И. Помните, на какую?

Р. Ой, я ушел что-то типа продавец-консультант в хороший магазин. На тот момент не было крупных гипермаркетов, это был строительный магазин, довольно, такой — ну, как гастроном, да, грубо говоря, размером. Не как «Леруа Мерлен» сейчас.

И. А почему вы ушли из охранного предприятия?

Р. Я опять говорю, понятно — это не предел мечтаний.

И. То есть вы целенаправленно хотели оттуда уйти?

Р. Да, я уже ушел, потому что, во-первых, ну что, всю жизнь в охране: ну, не скажу, унинительно или что-то, не сказать, что какой-то средний класс. Ну да, в какой-то степени: люди ходят, тебя пинают, кто ты такой, там, охранник стоит, ну, дворник, да. Нет, профессии, конечно, нужны — и дворник, и охранник, но какой-то не предел мечтаний: сидеть разгадывать сканворды, слушать двух продавщиц дурнушек (смеется), работать, там, в магазине тряпок — ну, это не предел мечтаний. Просто я сделал старт после армии, чтобы ни от кого не зависеть, сам заработал, какие-то вещи купил, те же права сделал, то есть это всё нужно.

И. И после этого вы стали искать работу?

Р. Да, я решил как-то, ну, просто уже, что здесь ходишь сутки через два, там, сидишь — ну, не предел. Я думаю, ну пойду. Нашел работу поближе к дому, вдобавок, открылся магазин, буквально пешком можно было пройти. И вроде, там, в обществе работаешь, там, с какими-то сотрудниками, что-то делаешь, даже тупо что-то взял, переставил, расставил — уже занятие, не сканворды гадать сидеть. Ну, потом что-то магазин закрылся, дело не пошло. И вот, после этого что-то, вот, так получилось, что нас уволили.

И. Сколько вы там проработали?

Р. Там что-то я недолго, месяцев, наверное, сейчас скажу — месяца 4, наверное, вот так вот. Сейчас что-то не помню, этот момент вылетел из головы. Ну, и получилось: какой-то период дома посидел, там, как-то вот так вышло. Потом уже не знаю, во многих местах работал, крутился.

И. Ну, в каких, вот? После того, как вы были дома, вы официально куда-то трудоустроивались?

Р. Да, официально, и на этом месте был официально недолго.

И. После этого — куда устроились работать?

Р. Потом работал я, была компания «Салют» у нас.

И. Чем вы там занимались?

Р. В отделе логистики, как бы, поначалу курьером был, это было интересней, чем в охране, всё равно то же: ну, кто там — курьер. Но потом мы там, как сказать... У меня уже личный водитель был (смеется). Ну, как личный. Просто курьеру давали водителя, он с ним ехал. Вот. Потом, там, в отделе логистики, в общем, мы числились. Но «Салют» быстро, — там тоже задержка по зарплате была, и так — копейки, — в общем, уволились, он буквально через пару месяцев закрылся.

И. Вы сами нашли эту работу?

Р. Одноклассник меня позвал — на тот момент сам там работал. Позвал одноклассник, вот. Потом много работал...

И. А с «Салютом» что случилось?

Р. Они, это, зарплату не платили, задерживали. То есть это мы при офисе еще, там нам задерживали. То есть, кто работал в магазинах в рознице, там они вообще по полгода не получали. В общем, всё это надоело, там, с копейки на копейку, — уволился.

И. Сколько вы там проработали?

Р. Сейчас скажу: полгода, месяцев 5, полгода получается, да, с января по май, по конец мая как раз. И в лето я увольняюсь, буквально, как ни странно, пришел за зарплатой, обратно звали — в принципе, как и на предыдущих работах. Потому что, когда я работал тогда в этом, в охранном — ну, ценятся все, кто молодой, не пьет, не дебошир, не ворует. Кто-то пришел, что-то на работе украл, напился. Поэтому меня всегда звали обратно, и тут тоже звали. Но я говорю: нет, и тут месяца через 3, буквально,

к Новому году они закрылись, потом я узнал, — потому что непонятно, как компания работала себе в убыток, ну, история умалчивает. Потом много работал без трудовой, потом с трудовой.

И. После «Салюта» чем занимались?

Р. После «Салюта» я устроился, что-то подкинули. Не мог долго найти работу — бывает, попадешь на такой период: ну, ничего нельзя найти, даже грузчиком. Товарищ подкинул тоже, там, буквально: развозили воду, эти 20-литровые бутылки, недели три я там проработал. Ну, буквально, человека заменял, но это неимоверно тяжело, и копейки, плюс ты еще должен и машину чинить на морозе эту развалившуюся. Ну, как — любой начальник хочет большего: меньше вкладывать, больше получать. Вот, там подкалымил. И, буквально через несколько месяцев, там, летом, меня позвал тоже товарищ на хорошую, там, работу. Ну, не сказать, что там что-то шикарное, но получал я там много, были большие бонусы, хорошая зарплата. Но я работал без выходных, без проходных. И сначала — за товароведа, за начальника склада, потом в итоге продавцом стал на этом же складе и еще в офисе хакером помогал, в компьютеры там все вбивать, — то есть за троих работал, но там хотя бы были стабильно деньги, и были бонусы, калымы, то есть довольно, прямо, большая зарплата на тот момент. Жалею, что начал поздно путешествовать.

И. А что произошло, подождите?

Р. А, оттуда я ушел, потому что ушел товарищ. А во-вторых, директор стал что-то, непонятно, какие-то дела нелегальные вести. Не то что нелегально, а, в общем, обманывать, подставлять своих же: попадаешь в кабалу. Если, там, мягко говоря, маргинальные грузчики выпьют с утра, им пофиг — копейку платят, они 100 лет и будут работать. А мне это, как бы, не надо было. Думаю: так подставляют — ну что, всю жизнь ему обрабатывать, что ли? Вот, и спокойненько отказался, ушел.

И. Вы уходите. Там вы сколько проработали?

Р. Ой, тоже почти полгода, сейчас скажу, 4 месяца, 4,5. Так, ноябрь, да: ну, где-то 4–5 месяцев без выходных, без проходных я работал вообще, то есть каждый день. С одной стороны, хорошо, больше заработал. И вот, в тот момент как раз надо было немножко... Тормознули. Надо было немножко свою планку поднять, задуматься о путешествиях, о заграничах, посмотреть мир. Я как бы всегда об этом мечтал, но не думал, что вот это... Учась в школе — сказали бы мне, что я... Про древний Египет изучали по истории — я даже не представлял, что окажусь в Египте. В то время таких мыслей не было, а вот уже в более поздние года, конец 2000-х, когда я начал — только успел пару раз в Египте побывать, теперь такая ситуация с мамой. Поэтому, даже если Египет сейчас откроют, мне всё равно не светит, то есть я вырваться не могу.

А надо было в тот момент, у меня что-то более приземленные мечты были, машинешка, там, была, какие-то вещи тоже, так, где-то развлечься, в аквапарк сходить, не знаю, съездить, еще куда-то. Поэтому, вот, мало успел мир посмотреть. Но, тем не менее, городов я много видел, и наших, и Шарм-эль-Шейх, и Марсалан египетские, Хургаду, там, потому что мы просто приземлялись в аэропорт Хургады, оттуда ехали в Марсалан. А по стране — так с детства: были родственники в Питере, в Ленинграде был, ездили. В Ленинграде был, правда, в 89-ом, наверное, последний раз. Новокуйбышевск, Самара, понятно, я не беру, Тольятти, Москва — то есть часто ездили к маме на родину в Архангельск через Москву на поезде. Когда перестали летать на самолете, то есть в 90-х, вот, эта была проблема, — мы стали ездить на поезде: как бы, получается, через Москву — на северное направление. Пока бежишь с вокзала на вокзал, смотришь Москву (смеется). Так, ездили по Москве: Красная площадь, было время между поездов — смотрели. Ездил в Свердловск, там,

к друзьям — но это уже тоже давно было, лет 5 назад, — познакомились в Египте. Много городов посмотрел — там, Ульяновск. Когда разговариваешь с людьми — многие вообще дальше Самары никуда и не выезжали. То есть, в принципе, на этой ноте, тем не менее, жалко, что мало успел.

Я смотрю не на тех, кто меньше меня, а на тех, кто больше. То есть: есть знакомые, есть одноклассник, хорошо, вот, сейчас раскрутилась сестра — она может себе позволить мир посмотреть, гораздо, там, дальние страны красивые, и больше возможностей — ей это легче. Поэтому я стараюсь всегда ориентироваться на них, и я всегда, вот, хожу, — есть у меня, наверное, недостаток, не знаю, мне об этом тоже советует товарищ, с которым мы на велосипеде катаемся, — я смотрю всегда выше, думаю: вот, люди молодцы. То есть я не то что завидую им — да, завидую белой завистью, ничего такого.

И. Сравниваете?

Р. Да, сравниваю, почему, вот, я — не как они? Почему я — более низкие люди? А мне сосед, вот, тоже, ну и многие говорят: ну ладно, что ты? Мы, вон, в парк ходим иногда, там, белок покормить, а люди и этого не видят. А я не могу смотреть всегда, я всегда планку, не знаю — как у нас директор школы говорила на выпускном, — может, действительно, надо всегда планку закидывать выше и стремиться к этому. Поэтому я не могу, вот, ориентироваться: вот, кто-то ниже, просидел всю жизнь в Самаре, ничего не видел — и я думаю, о, я круче, — я не радуюсь. Я, наоборот, расстраиваюсь, что я не те, кто выше. Может, поэтому мне еще так грустно, особенно последние годы.

И. Дмитрий, давайте к вашей работе опять немножко вернемся. Вы закончили работать на вашем последнем месте работы, о котором рассказали мне, с которого вы ушли по понятным причинам, что было дальше с вашей трудовой деятельностью? Что вы делали?

Р. А дальше, с того времени как-то всё понеслось, что-то я не помню.

И. Вы проработали 4 месяца там, и дальше куда вы?

Р. А, потом еще нашел хорошую, так сказать, неофициальную работу, фактически официально мало работал, да не думаю, что это страшно. Работал я на стоянке, еще где-то. Ну, честно говоря, на тот момент я понял, что мне всё равно, где, лишь бы, уже хотелось работать не то чтобы попроще, а спокойней, где тебя никто не трогает, не надо писать бумажки, что-то бегать. То есть для меня всегда была проблема, даже при увольнении с официальной работы: надо бежать с этим бегунком в отдел АХО, в бухгалтерию, ставить печать. Зачем мне всё это? Меня всегда это напрягало как-то очень сильно (улыбается). Там, в трудовой что-то отметить. И на тот момент я после... Так, где-то я еще работал? Работал на окнах с товарищем неофициально, это, буквально, был как калым. Довольно на тот момент мне помогло. Потом устроился на стоянку на небольшую — товарищ позвал: она в таком тихом месте находилась, что, как бы, в принципе, тихонько сидишь, деньги получаешь. И было, не то что я ленивый, не хочу ничего делать, — я люблю и руками работать, и вообще, — но как бы хотелось просто, чтобы тихонько, никто тебя не трогает, не нервничать. И там довольно получалась хорошая денежка. То есть бывает тяжело, вроде и зарплата большая, пока от зарплаты до зарплаты живешь, тяжело распределить. А тут получалось так, что какая-то денежка капает небольшая, и каждый день идет денежка, даже получалось что-то купить, допустим, что-то за 2000 пойти купить. DVD я помню, да, в этот момент, то есть, буквально: накопил за несколько, пошел, купил. Как-то было просто, что ли, легче: и всё время при деньгах, и домой всегда несешь фрукты, там, продукты. Ну, что-то, ну, как-то так. А потом там закрылась эта стоянка.

И. Так. И что было дальше? Сколько вы там побыли?

Р. Наверное, год, потом я что-то ушел, я устраивался в авиакомпанию, как ни странно (улыбается), всё-таки, немножко мечты у меня...

И. На стоянке вы год проработали?

Р. Да.

И. Дальше? Она закрылась? Вы ушли до того, как она закрылась?

Р. Она, получается, как — я ушел, товарищу говорю: слушай, тут появилась такая, эта, реклама, слышал — проходил отбор в компанию ЮтЭйр, набор проводников. Как бы мне уже, наверное, было поздно учиться на пилота — опять же, не уверен, потяну, не потяну (смеется). Но, хотя, там, наверное, ничего сложного — всё автоматически сейчас. Дело в том, что, думаю, что уже предлагает на данный момент, вот, такая реклама — набор бортпроводников. Но, как оказалось, там что-то такие несусветные правила. Я прошел отбор, из 600 человек отобрали, из 400 человек отобрали 60 человек, все были радостные, то есть, ну, в принципе, там, как, я не знаю, как они отбирали. Там сидел такой довольно взрослый, старый такой, по лычкам — командир корабля, может, уже, там, на пенсии, я не знаю. Он только спросил: служил? Я говорю: да, в Волгограде. В принципе, всё. Меня отобрали. Но, когда мы приехали в учебный центр аэропорта, там через какое-то время назначили — и там-то нас всех 60 человек и приземлили (смеется), — получается, как: комиссия там такого наговорила — то-то-то, девушкам не краситься, не мазаться, ни каблуков, ни серег, ни колец, — это меня не касается, понятно. Там, будете летать так-то, дома почти не будете. И, самое главное, они там сказали: вот, обучение, будете обучаться две недели, где-то там, в Казани, или где-то тут, или в Уфе, что-то такое, в Уфимском филиале ЮтЭйр. В итоге, получается, как: там такого наговорили. А тут майские праздники. Мы пришли, буквально, 2–3 мая, и они нам дают 3 дня на проход, там, всех врачей — всех пробежать. Сразу подкидывают: вот вам платные врачи, типа с ними быстрее. Но, если вы пройдете комиссию, то будет еще комиссия, это в ЛЭК, и если наши врачи вас не пропустят строгие, так что так и так вы не пройдете. И даже если вы в ЛЭК пройдете, две недели вы обучаетесь: чуть что, какой косяк — вас отчисляют (улыбается), и 20 тысяч выплатите, затраченные на вас компанией. То есть такой бред наговорили, я потом встретил одну девушку случайно, как-то так познакомились: как выяснилось, она тоже там была, прошла комиссию, но почему-то её все равно там завернули, ей тоже не понравилось. Какие-то, вообще, накрутили, даже не реально, даже если это всё в одном месте делать, — праздники, столько там врачей, и все сразу. Как я потом выяснил, на воздушно-летную комиссию, после всех врачей, на их комиссию пришло уже не 60, а 30 человек. То есть кто-то на деле учился (улыбается), кто-то двое, там. Может, они специально это наговорили, чтобы отпугнуть. Но, как бы, люди-то слушают, что им говорят. Я в расстройстве приехал из аэропорта домой, изматерился, думаю... А я уже в предвкушении был, что я летаю хоть каким-то боком, мне это с детства нравилось.

Ну, как обычно, понервничав, всё приняв на сердце, попсиховав, думаю: ну ладно. Звоню товарищу, говорю: слушай, ну, я тут погорячился, ушел, ему объяснил, ну, такая история, какую-то фигню накрутили, ну, нереально просто сделать физически, даже не в деньгах дело, а физически. Говорю: давай, что, пока работы нет — давай обратно, тем более лето, я говорю — там, на стоянке поработаю. И какое-то время еще проработал на стоянке, стало затишье: там небольшая стояночка, мало машин. Ну и там зимой что-то совсем, и потом я ухожу, и, буквально, слушай, там реально заработка не стало — буквально, 3 машины приедут. Ну и мы с товарищем уже, и он ушел, мы оба ушли. Я потом, буквально, через несколько месяцев смотрю — закрыли эту стоянку, в общем, как-то там убрали всё: будку, забор. Мимо проезжал.

Вот, как-то так. Ну, а потом с мамой как-то подрабатывал на выборах. То есть я всегда любил работать, было время...

И. То есть дальше, после стоянки, вы никуда не пошли, не стали искать работу?

Р. Нет, нет, не вышло. Было много калымов, мне было на тот момент...

И. Где калымили?

Р. Вот, мне было всё равно. Был момент, как раз со стоянкой, я еще работал на ней, тут мама у меня устроилась на выборы, она любила это дело. Ну, на пенсии, понятно. Она подрабатывала в ближайшей же школе — на выборах, там, перепись населения.

И. Сколько вам лет было, когда вы работали на стоянке?

Р. Сейчас скажу — получается, 26–27, где-то так. 26, наверное. И в тот момент, получается, я вечером — на стоянку бегу, еду, днем — там, какую-то там агитмакулатуру разношу, вот эту, депутатскую, так сказать, по выборам что-то там: какие-то списки, опросы. Даже на перепись сунулся, но там не успевал. Короче говоря, мама там за меня поработала (смеется), вот, крутился. Я как раз хотел, вот, ехать в Египет к дню рождения, поэтому я, вот, по осени разрывался во все стороны, лишь бы работать. То есть не сказать, что я не люблю работать. Я такой человек — мне проще без всяких бумажек, без всего. Да, может, с бумажкой проще, не обманут — да, как бы, у нас и с договорами обманывают. Но мне проще — никаких: сделал работу, получил, убежал. И быстро, и четко, и без лишнего, для меня это — мозги не напрягать.

И. Вот вы поработали на выборах. Дальше, еще — какие калымы были у вас?

Р. Да я уже не помню, так, по мелочи. А потом, вот, всё — мама слегла у меня.

И. То есть потом у мамы случается инсульт?

Р. Да.

И. Сколько вам лет было, когда это произошло с мамой?

Р. Сколько получается? 28. Какой 28? 27.

И. Маме на тот момент — сколько лет?

Р. Так, ей сейчас 65 — было, значит, 62.

И. То есть мама была на пенсии уже?

Р. Что-то у меня сейчас сложно с цифрами. Да, она вышла на пенсию, подрабатывала на пенсии на выборах, в железнодорожном общежитии подрабатывала, вахтер или что-то, недолго. В основном так вот, небольшие калымы собирала, в основном дома сидела. И вот так вот выборы там, у нее всякие там бабули есть знакомые, подруги, где-то с ними она что-то, какие-то там в организациях всяких ветеранских, что-то я не вникал, честно говоря, не особо тогда с ней разговаривал. Просто сказала на выборы пойти, я говорю — давай, для кучи. Ну и вот, как-то так. И получается, я еду в Египет на день рождения, а в конце года мне мама устраивает вот такую штуку, а с тех времен я... А сейчас уже и деваться некуда. Официально было две работы на тот момент у меня. Вот, благодаря одной...

И. То есть после того, как вы с мамой на выборах поработали, у вас было еще две работы?

Р. Да, мне друг, опять же, подкинул хорошую работу в рекламном агентстве.

И. Чем вы там занимались?

Р. Там распространение рекламы, то есть я сначала водителем просто пришел: мне друг подкинул — берешь рекламу и курьеру везешь. Потом получилось так, что я говорю: а что, я буду помогать. Что я буду сидеть? Потом получилось так, что я один стал работать. И потом меня притянули: слушай, ну, ты, говорят, нормально, — в общем, я стал там в офисе сидеть. Не бог весть какой офис, ну, попроще мне стало, конечно, там. Ну, что-то иногда возить или, там, что-то такое, где-то в офисе с менеджером сидеть — когда как, в общем, по-разному. Там я работал неофициально, хотя довольно долго. Там, как бы, работа была не постоянно: то есть, допустим, неделя

через месяц, или, там, неделя через неделю, довольно часто, больших перерывов не было — бывало, там, на месяц, смотря какой заказ. И я фактически потом, под конец, я уже стал в офисе, как бы, постоянно там находиться. Где-то появляется — еду, калымлю, сам, там, что-то разношу. И что-то мне еще на тот момент подкинули.

А, вот, такая ситуация сложилась, благодаря этой работе-то я и попал еще раз в Свердловск, можно сказать, за счет работы. То есть я соединил приятное с полезным. Надо было там что-то отвезти, и буквально на три дня. Ну, я остался там, в общем, просто мне билеты оплатили, я просто взял на него не через 3 дня, а взял через 10 дней (смеется). И остался там: друзья, познакомились мы в Египте. Вот, говорил, поехал, заодно приятное с полезным сделал. А тут вот мама совершила, как будто специально ждала, совершила вот такую штуку. Я уже вернулся тут. Соседи, там, сестра вроде что-то: нашли её, открыли, а она — оказывается, она с инсультом провалялась день. А у меня получалось, что я... Ну, в общем, как сказать, сразу приехать не могу, уже билет куплен, а и смысла нет, буквально, там, то есть менять билет: на завтра билета нет, а послезавтра я сам уезжаю уже, у меня билет есть. Я уже потерпел 2 дня там, весь в горе, уже ни до чего, не до друзей, там. Вот сейчас, по скайпу, обещаются в гости, может, приедут, ребята есть. Вот, вернулся домой, там, из больницы её потом уже забрал — и вот, три года уже почти с ней кувыркаюсь, так скажем.

И. На что вы живете сейчас? Чем вы занимаетесь? У мамы есть пенсия какая-то?

Р. Пенсия-то да, есть, я оформил, но пенсия — знаете, её смешно трогать (улыбается). За квартиру плачу 3,5 тысячи с пенсии, вот. А так, где-то, вот, я автоэлектрикой подрабатываю, в компьютере — опять же, говорю, мне подкидывают.

И. А где вы автоэлектрикой подрабатываете?

Р. Есть, это, товарищ в сервисе — ну, такой сервис, мелкий, шабашка: там, кто приезжает, что-нибудь попросит, можешь прийти, что-то сделать, — то есть иногда зовет. Или просто друзья, кто знает: кому сигнализацию поставить, кому что. Сосед, буквально: машину купил, в сервисе дорого — я подешевле делаю, там, естественно, в два раза. Ну, еще что-то по мелочи, в компьютере много сейчас: сестра одноклассника подкидывает мне, как сказать, то какие-нибудь документы, то еще что-нибудь, ну, разное, вот так вот. Ну, кручусь, верчусь.

И. Какие-то планы у вас есть? Какие-то планы сейчас, как-то дальше строить свою жизнь?

Р. Да вы знаете, планы сейчас нет смысла строить, они как рухнули... Да, я пытался еще работать на работе на той, — сейчас она тоже закрылась, потом я узнал, — в рекламном агентстве, но там нагрузка большая, приходилось много бегать иногда. То есть и ты домой приходишь выжатый, а плюс мама первое время вообще плохо себя чувствовала: какие-то там, то упадет, то что-то — ну, сами понимаете. То есть звонят соседи: приди, а я просто разрываюсь. Ну, тяжело стало. Пришлось. Ну и закрылось это агентство, тоже они так, тяжело работали, так что так я дома и осел — то есть вынужденно.

Может, я и работал бы, но вынужден был — и осел. И планы сейчас строить мне, вы знаете... Вот хочу в космос полететь — ну вот, как (улыбается)? Я к дому привязан. Построил план: завтра лечу, — а что толку-то их строить, они невыполнимы. То есть, я говорю, если Египет завтра откроют (улыбается), всё равно не светит. Нанимать сиделку — это дорого. И, сами понимаете, сиделка не может быть с ней вечно. Слушай что, тьфу-тьфу, опять что-то происходит, мне звонят: несись домой, а я — как вот? Представляете — я сижу, уехал отдыхать, ну, в тот же Египет, мне звонят: так и так, с мамой ЧП, приезжай, — а я куда дернусь? Чужой человек не будет. Есть мама одноклассника, они, как бы, через это прошли, там немножко другая история была,

они прошли через это: у них отец долго лежал, вообще 15 лет. Она говорит: если что, обращайся, ну, так, зайти, помочь. Может, куда-нибудь поедешь, ну, мало ли, отдохнуть. Ну, как бы, напрягать чужих всё равно я не хочу людей. И, да, опять же, мало ли что, как бы... Убирать и варить, готовить, тем более, она сама в возрасте. А особо помощников, ну, нанять сиделку... Предлагали мне соцсиделку, буквально, там, ну, она приходит на 2 часа в день. И опять же, случись чего — опять меня нет. Мне проще самому.

И. Дмитрий, сейчас вас устраивают ваши жилищные условия?

Р. Да, ну, как сказать... В принципе, мне бы этой двушки хватило, но если бы я был один, ну, со своей семьей. А сейчас я, получается, с мамой. Понятное дело, мать не обуза, но, как бы, мать — мать, но все равно обуза: я привязан. Так-то она в одной комнате, я в другой — слава богу, у нас двухкомнатная. Так бы, хотелось уже поновее, дом резко состарился, дом чуть постарше меня, за последние 10 лет — вообще как-то стал, ну, немножко хотелось бы поновее. Но, знаете, если сейчас какая-то возможность появится свободы, деньги — лучше я больше ошибаться так не буду, как, вот, в молодости, да: лучше мир посмотреть, что-то купить, достичь, уже себе в удовольствии, ну, по возможности, создать семью, но это сейчас уже, по-моему, тоже так сложно все.

И. Почему? Вы не были женаты?

Р. Нет, не успел.

И. А какой-то был у вас опыт неофициального брака?

Р. Нет, так встречались, но неофициально не жили никогда, гражданским браком не жили. Я, как бы, тут... Вот тут я не тупил (смеется), я стал учиться на более старших ребятах, что ли, на других — как бы, тут я стал учиться на чужих ошибках. Иногда шучу, говорю: не прошел, это надо пройти (улыбается). Может, уже и не стоит — больше 30-ти такая шутка есть: больше не флиртуешь, а больше фильтруешь (смеется). Сейчас больше к 30, вот сейчас 30, последние годы больше как-то — да не сказать, что охота, плюс еще как-то с мамой привязан, ну что — ну, сложно это. И как-то не попадались хорошие, говорю.

И. Вы планируете создавать семью вообще?

Р. Ну, хотелось бы. С другой стороны, много факторов играет, в плане того, что наша жизнь — такая... То есть иногда смотришь, думаешь: вот, рожать в этом мире детей — да ну, на фиг, только на мучения ребенка, как сказать, подвергать на мучения. Жизнь сложная сейчас, вот эта политическая обстановка. Да, все говорят, надо рожать детей для себя, но это мы думаем, что для себя, а в итоге мы рожаем, извиняюсь, очередного раба системы вот этой, то есть он будет так же жить, его будут доить, — как вот мы сейчас: по сути, мы живем в рабстве. Вот эта политическая обстановка, нам говорят, что мы свободны, но мы на самом деле не свободны. Ну, к примеру, взять налог на собственность — пойдешь заплати: кому, за что я должен заплатить? Я купил эту квартиру, и ты еще должен платить каждый год, сейчас еще баснословные деньги. Это тупо, я не знаю (усмехается). Можно раба, — вот, раньше было рабство, — взял себе: ты мой раб, паши на меня. Тут фактически то же самое, только по-современному. Плюс обстановка: всё делается только на бумажках пресловутых, всё делается, по телевизору красиво говорят, то есть я уже выкину скоро телевизор в окно уже, я уже и так его не включаю. По телевизору говорят, эти пафосные речи толкают: вот, у нас спорт развивается, то, се. А что вы развиваете? Куда ни плюнь, если стоит какое-то заведение, то оно дорогущее. Повыкорчевывали советские турники из дворов, поставили вот эту фигню для трехлетних детей. Там даже и трехлетние, там всё компактно, там что-то турничок, на котором ничего и не делаешь, все хлипенько, а подойдет взрослый подросток 15–20 лет, захочет — ничего

не сделаешь. Крутанулся, подтянулся, а там — ничего. А идти куда-то в спортзал, дышать, там, в лесу, на улице, на свежем воздухе, и в спортзале — всё равно разница. Во-вторых, всё это платно и не всем доступно. А на деле наши все системы на каждом углу кричат, по телевизору: мы развиваем спорт, то, се, у нас всё доступно. Ну что доступно? Образование — поганое бесплатное, оно у нас еще и платное, оказывается.

И. Дмитрий, вы довольны своим уровнем образования на сегодняшний момент?

Р. Да вы знаете, я такой человек, что да, может, среднее стоило получить, вот я его получил. Но я видите, опять же, почему плохо учился, говорю: я больше способен к самообразованию. То есть, вот, английский я сейчас знаю в десятки, в сотни раз лучше, чем в школе. Хотя в школе он мне нравился, но учитель что-то, вот, говорит: сделай, запомни, — я не воспринимаю. Если мне что-то понадобилось, я это запомню раз и навсегда на всю жизнь. Благодаря интернету это всё стало проще, быстро можно найти, проще, я даже всех учу, водят, там, детей на английский, там, сами ходят на курсы. Что на курсы? Сел в интернете — учи. Переводчики, сколько всего, все быстро. То есть я способен больше к самообразованию, и, в плане чему-то научиться, где-то что-то не могу, могу спросить. Мне сказали — всё, на всю жизнь запомнил. Некоторые вещи не даются, какие-то сложные, ну никак, не всё дано, как говорится, не всем. Что дано — я очень быстро, поэтому образование я никогда не считал, как мне кто-то сказал, — это не критерий. А во-вторых, опять же, вот сейчас какое бы образование у меня бы ни было, жизнь бы у меня была такая. Говорят, судьбу делаем мы, но не всегда. То есть, ну, вот, я сейчас — что тут сделаю?

И. Дмитрий, а вот, сколько сейчас зарабатываете?

Р. А у меня же нет стабильного заработка, когда как. Бывает в месяц — то, се, там крутанешься, сям — бывает, 15 тысяч заработаешь, 10 заработаешь. Но не сказать, что шикарно живу, потому что коммуналка, всё это, там. То есть мамина пенсия маленькая, государство мне дает за уход за инвалидом еще тысячу, ну, там, может, сейчас побольше, но всё равно это всё копейки, то есть прибавка к пенсии. Но я стараюсь её не трогать, вот, она у мамы лежит на черный день, как говорится. Пытаюсь крутиться. То есть, вот, когда как, месяц от месяца не приходится. Ем, маме всё вроде покупаю, удаётся: там, таблетки, всё, едим хорошо (смеется), вроде и ладно, то есть вот так.

И. Представления есть какие-то у вас о вашей жизни лет через 5–10?

Р. Вы знаете, вообще нету, потому что я не знаю, что будет через 5 лет, может, я так же буду с мамой сидеть, потому что, ну, куда деваться? Даже если я где-то смогу работать, все спрашивают: как ты живешь, сколько зарабатываешь? Я говорю: а мне — зачем деньги (улыбается)? Дома сидеть в банку складывать? Если бы я их зарабатывал, там, много — путешествовать, туда-сюда, — а мне они сейчас на что? Да и фактически, знаете, такой возраст, ничем не удивишь, ничего не надо: раз что-то хочешь купить, думаешь, а зачем, да ладно. И вот, через 5 лет хотелось бы, чтобы что-то изменилось, может, там, мама поправится, может, ну как-то, я не знаю...

И. А что бы хотелось, чтобы у вас было?

Р. Хотелось бы, конечно, да, мечты есть, они всегда в хорошую сторону. Хотелось бы, чтобы через 5 лет я, наконец, мог путешествовать, завести, там, семью, хотя бы жену, чтобы с ней где-то проехаться, может, чуть попозже. Насчет детей уже не знаю — наверное, старый буду. А во-вторых, жалко мне детей в наш мир приводить, ну, е-мое... То есть мне просто неохота брать на сердце еще одно глобальное переживание, трястись за жену, чтобы никто не убил в темное время суток, трястись за ребенка, и кто из него вырастет, в этом мире ему жить предстоит. А так, конечно, хотелось бы, хорошую собаку, люблю немецкую овчарку, вообще, животных люблю. Жена, ребенок, там, — да хрен с ней с машиной уже даже — катится и катится. Домик, там, или

хорошая квартира. Да, как в идеале у всех, я представляю, но это только в кино, наверное, сейчас.

И. Дмитрий, расскажите, у вас есть какие-то, вот, сожаления, может быть, об упущенных возможностях? Что-то было, что вы смотрите сейчас, оглядываетесь и говорите — да, здесь, вот, я упустил, надо было делать так или вот так. Что-то такое есть, о чем вы можете пожалеть?

Р. Было, есть, да. Вот, я говорю, опять же: поздно начал, немножко иногда отстаю, мне бы раньше начать путешествовать, глядишь, я бы успел больше мир посмотреть, — это большое, да.

И. Кроме путешествий есть еще что-то?

Р. Упущено то, что эти последние годы пронеслись очень быстро, а яркого-то особо, вот, ничего не было, кроме Египта. Да, может быть, чуть раньше надо было семьей заняться. С другой стороны, сейчас я был бы с женой и с мамой, разрывался. Ну, может быть, и было бы всё по-другому. С другой стороны, если бы по молодости — знаете, как сейчас: в 20 лет все женились, через год ребенка родили, и ничего не надо, — на фиг такая жизнь муравьиная, я же не муравей. Это они — выросли, потомство принесли, умерли. Мы же, всё-таки, люди: надо что-то в мире, не то что даже оставить после себя, а прожить как бы. Не вот — вырос, школу закончил, ребенка родил, работа, работа, и всё... Мои ровесники уже просто устали, им ничего не надо: работа, дом, работа, дом. Им ничего не надо.

И опять же, своего ребенка — в этот круг, где ценности «Макдональдс», е-мое. У нас в 90-х были ценности — я не знаю, у маленьких, когда были маленькие, — классная жвачка. Это было как-то, ну, действительно, что-то. А сейчас у них ценности — «Икеа», «Макдональдс» какие-то там, купить технику никому не нужную, какие-то лейблы, которые китайцы пишут, ааа, там, — так все деградировало, то есть. Ценности нам когда-то в какой-то момент, видимо, в 90-е это все началось, — нам подменили все ценности. И сейчас — не то что занижены они — вообще, очень... У людей нет ценности жизни, ценности истории, там. Ровесники мне говорят: а зачем тебе это знать, на фиг тебе знать украинский язык, на фиг тебе знать, что там было в 45-м году? Ну, люди не хотят знать свою историю, это плохо.

И. Что значит хорошо прожить жизнь для вас?

Р. Насыщенно, красиво.

И. Что значит насыщенно?

Р. Насыщенно — чтобы в жизни было много хороших моментов, интересных. Плохого, конечно, не надо, но без этого никуда. То есть, опять же, чтобы много путешествий, много каких-то событий, много дел, то есть много достижений, — я никогда не мечтал, там, о золотых горах, пятиэтажные коттеджи, зачем мне?

И.: Хорошо, Дмитрий, спасибо за интервью.